

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЗАВОЕВАНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И НАУКОЙ

Измайлов Искандер Лерунович

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,

Казань, Россия

ismail@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об истории изучения завоевания Казанского ханства и влияние идеологии на историографический процесс. В отечественной историографии сложились различные концепции по этой проблеме. Первая, широко распространенная в державной российской и советской историографии, утверждает, что завоевание Казани и Поволжья Русским царством было вызвано необходимостью и имело целью обезопасить свои границы от татарских вторжений, разорвавших русские земли; само завоевание было целиком прогрессивным явлением и принесло народам Поволжья процветание, приобщив их к высокой русской культуре. Данная концепция не просто опирается на поддержку государства, но и является важнейшей частью державной идеологии. Вторая сложилась в татарской историографии еще во второй половине XIX в. и распространилась в российской либеральной историографии в 1920-е и 1990–2000-е гг., утверждая мысль о захватнической внешней политике Русского царства и колониальном характере порабощения народов Поволжья. Становление многонациональной России как демократического федеративного государства предполагает выработку иных, чем в империи, концепций своего возникновения, которые смогут представить более сложный и многомерный взгляд на историю.

Ключевые слова: историография, историческая концепция, Золотая Орда, Казанское ханство, Россия, завоевание Поволжья, государственная школа историографии, советская наука, идеологический контроль, идеологема «меньшего зла».

Цитирование: Измайлов И.Л. Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 102–118. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-102-118 / Izmailov I.L. The Main Concepts of Conquering the Kazan Khanate in the Russian Historiography: Between Ideology and Science, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 102–118. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-102-118.

© Измайлов И.Л., 2022

THE MAIN CONCEPTS OF CONQUERING THE KAZAN KHANATE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: BETWEEN IDEOLOGY AND SCIENCE

Izmailov Iskander L.

Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Science,

Kazan', Russia

ismail@inbox.ru

Abstract. The article focuses on the question of the history of gaining the Kazan khanate study and influence of ideology on historiographic process is considered. There were various concepts on this problem in a domestic historiography. The first, widespread in a majestic Russian and Soviet historiography, claims that conquest of Kazan and the Volga region was caused by necessity and aimed to secure the border against the Tatar invasions ruining Russian lands, gain was entirely the progressive phenomenon and brought to the people of the Volga region prosperity, having acquainted them with high Russian culture. This concept is not just relies on support of the state, but also a part of majestic ideology is the major. The second one developed in the Tatar historiography in the second half of the 19th century and extended in the Russian liberal historiography in the 1920s and 1990–2000s, approving a thought of aggressive foreign policy of the Russian kingdom and the colonial nature of enslavement of the peoples of the Volga region. Formation of multinational Russia as democratic federal state assumes developments of others, than in the empire, the concept of the emergence, which will be able to develop more difficult and multidimensional view of history.

Keywords: historiography, historical concept, Golden Horde, Kazan khanate, Russia, conquest of the Volga region, science school of a historiography, Soviet science, ideological control, ideologeme of "lesser evil".

Проблемы, связанные с причинами и последствиями завоевания Казанского ханства, изучаются достаточно давно и последовательно, став — в определенной мере — «проклятыми вопросами» российской историографии. За последние триста с лишним лет многие поколения историков пытались и пытаются выяснить причины и последствия этого события, высказав целый ряд гипотез и суждений (историографические обзоры см.: [Котляров, 2005; Аксанов, 2013, с. 178–181; Хамидуллин, 2018]. Проблема этого видится не в том, что они описаны в источниках и литературе недостаточно полно, а в упорном стремлении отечественной историографии выстроить некую историческую закономерность завоевания Казани, дабы обосновать справедливость и правомерность этого события, создав все более стройные и убедительные концепции.

Этот процесс начался еще в конце XVI–XVII вв., когда в исторических сочинениях стали приводиться некие доводы необходимости завоевания Казанского ханства и осмысления этого события в контексте противостояния между Русью и татарами, между христианством и мусульманством, став ведущей темой новой имперской идеологии царской России, зафиксированной в летописях (Никоновская, Воскресенская, «Летописец начала царства», Львовская) и исторической публицистике (произведения А. Курбского и «Казанская история») (см.: [Измайлов, 1992, с. 50–62]). Суть ее достаточно полно изложил участник взятия Казани князь А. Курбский, писавший, что завоевание татарских ханств было ответом на «опустошения» русской земли со стороны «великого и грозного измайльского племени» («Иде были же прежде в спустошенных краехъ русских отзимовища татарские, тамо грады и мѣста сооружашася») и позволило «своих, древле заведенныхъ многих от бусурман, свободиша от многолетнихъ работы» [Курбский, 1988, с. 228, 246].

Формирование этих взглядов в стройную концепцию завершилось в середине XIX в. в рамках концепции основателя «государственной» школы историка С.М. Соловьева (1820–1879): «Завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских... В истории Восточной Европы взятие Казани, водружение креста на берегах ее рек имеет важное значение. ... До тех пор, пока существовала Казань, до тех пор дальнейшее движение русской колонизации на восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможным. Страшное ожесточение, с каким татары, эти жители степей и кибиток, способные к нападению, но неспособные к защите, защищали, однако, Казань, это страшное ожесточение заслуживает внимания историка: здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского. Пала Казань, и вся Волга стала рекою Московского государства» [Соловьев, 1988, с. 460–462].

Сформулированная русским историком-государственником доходчиво, откровенно и в предельно концентрированном виде, эта концепция, став основой для последующей русской исторической мысли, представила доводы, которые берут начало

от церковно-державных идеологов и получили новый импульс в советской российской историографии. Органичное соединение цивилизаторской миссии, которая была осенена православием, острием своим направленным на искоренение мусульманства (против «Азии магометанской»), с геополитическими интересами государства, безопасностью ее границ и необходимости расширения своих пределов, — вот, по мнению С.М. Соловьева, основные факторы, оправдывающие эти колониальные захваты и позволявшие видеть в них нечто отличное от завоеваний конкистадоров в обеих Америках.

Среди других историков следует выделить Н.И. Костомарова (1817–1885). Обладая ярким талантом рассказчика и вдумчивого историка, он считал завоевание Казани одним из важнейших деяний Ивана IV, полагая «покорение татарской расы славянской, присоединение к себе ее территорий ... первым условием возможности благоденствия и процветания Руси». Объясняя причины начала завоевательных походов, он писал: «Прежде подручное московскому государю, это царство находилось теперь в руках злейшего врага русских — Сафа-Гирея. Тогда Казань, по выражению современников, “допекала Руси хуже Батыева разорения; Батый только один раз протек Русскую землю словно горящая головня, а Казанцы беспрепятственно нападали на русские земли, жгли, убивали и таскали людей в плен”. Их набеги сопровождалась варварскими жестокостями: они выкалывали пленникам глаза, обрезывали им уши и носы, обрубали руки и ноги, вешали за ребра на железных гвоздях. Русских пленников у Казанцев было такое множество, что их продавали огромными толпами, словно скот, разным восточным купцам, нарочно приезжавшим для этой цели в Казань» [Костомаров, 1993, с. 265–266]. Как видим, автор, живописуя ужасы татарских вторжений и бедствий, не ограничился цитированием «Казанской истории», а добавил и многое от себя, включая живописание зверств, а также «огромные толпы пленников» и «восточных купцов», ставших непрменными персонажами всех позднейших высказываний историков о завоевании Казани, объясняющих необходимость и некую «вынужденность» этого шага.

Такой же концепции придерживались практически все историки второй половины XIX в. Так, один из последних историков классической «государственной» школы историографии С.Ф. Платонов (1860–1933), который пытался найти новые позитивистские подходы к раскрытию факторов развития России, присоединяясь к взглядам предшественников, выделял также определенный этнический аспект: «Казанская татарская орда связала под своей властью в одно сильное целое сложный инородческий мир: мордву, черемису, чувашей, вотяков, башкир. Черемисы за Волгой, на р. Унге и Ветлуге, и мордва за Окой задерживали колониционное движение Руси на восток; а набеги татар и прочих “язык” на русские поселения страшно вредили им, разоряя хозяйства и увозя в “полон” много русских людей. Казань была хронической язвой московской жизни, и потому ее взятие стало народным торжеством, воспетым народной песней» [Платонов, 1993, с. 201].

В XIX в. появились первые научные труды татарских историков, исследовавших различные стороны русско-татарских взаимоотношений и конкретно «казанского

взятия». В первую очередь это труды Ш. Марджани (1818–1889) и его последователей и учеников Г. Ахмерова (1864–1911), Х. Атласи (1876–1938), Р. Фахретдина (1858–1936), М. Рамзи (1854–1934) и ряда других авторов. Естественно, их работы пытались преодолеть тенденциозность российской историографии и представить свою картину прошлого татарского народа. Нельзя не отметить, что зачастую их выводы оказывались гораздо более объективными, поскольку они использовали всю совокупность русских и татарских источников с определенным критическим подходом. Главную причину исторических бедствий татар эти авторы видели прежде всего в распаде Золотой Орды и образовании целого ряда ханств, чьи внутренние конфликты привели к завоеванию их Русским царством. Они оценивали последствия событий 1552 г. однозначно отрицательно, и политика Москвы с этой точки зрения вполне резонно рассматривалась ими не иначе как «порабощение» (подробнее см.: [Хамидуллин, 2018, с. 196–224]).

Попытка кардинально пересмотреть взгляды историков «государственной школы» была сделана в 1920-е гг., когда важным трендом стало подчеркивание колонизаторской политики России (подробнее историографию см.: [Хамидуллин и др., 2012, с. 92–113]). Теоретиком этой марксистской и интернационалистской концепции являлся «красный профессор» М.Н. Покровский (1868–1932), который подметил важные экономические составляющие этих завоеваний – стремление Ивана IV установить контроль над волжским торговым путем [Покровский, 2010, с. 97–98], а также давление на власть мелких дворян в связи с острой нехваткой земель и рабочей силы в России [Покровский, 1933, с. 41–42]. При этом он выступил с резким осуждением реакционной завоевательной и колониальной политики русских правителей, в частности Ивана Грозного, назвав войну народов Среднего Поволжья против Ивана Грозного «наступательной завоевательной войной» [Покровский, 1933, с. 41].

В этом же негативном ключе оценивал завоевательную политику царизма и взятие Казани М.Г. Худяков. «Чудовищное избиение жителей взятой Казани, – писал он, – составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории. Такою колоссальною гекатомбою человеческих жертв закончился “крестовый поход” христоролюбивого воинства против казанцев, первое выступление русского государства на путь территориальных завоеваний» [Худяков, 1990, с. 153–154]. В русле этих тенденций были написаны и первые серьезные профессиональные татарские исследования. Первый профессиональный татарский историк Г. Губайдуллин (Газиз) (1887–1938) в своих статьях и книгах специально освещал историю Казанского ханства и его завоевания Русским государством. В программном труде («Татар тарихы» / «История татар», 1922 г.) он обстоятельно рассматривает московскую политику «противопоставления татарских орд друг другу» и раскрывает внутренние причины падения татарских ханств, такие как военно-технические и даже нравственные («продажность ханов»), а также политико-экономические основания агрессии Москвы [Газиз, 1994, с. 100–108]. При этом автор отмечает разность между военной политикой татар и Ивана Грозного: татары хотя и совершали набеги, но не пытались завоевать Русь,

тогда как Иван Грозный вел политику «на уничтожение» Казанского ханства [Газиз, 1994, с. 105].

Однако уже в 1933 г. в советской историографии произошел поворот от последовательного марксизма к советскому империализму и сталинизму. Серьезными факторами, которые явно повлияли на этот выбор, были, с одной стороны, победа Сталина во внутривнутрипартийной борьбе и формирование тоталитарного командно-административного государства, а с другой — провал надежд на мировую революцию, в результате чего режиму пришлось выживать в условиях враждебного окружения, что требовало усиления державного патриотизма. Предвестниками этого стали развенчание интернационалистической «школы Покровского» [Артизов, 1991, с. 102–119] и утверждение полного партийного контроля над историей и исторической наукой, придания им формы дела государственного значения и идеологического оружия. Именно с этого времени прошлое в советской исторической науке рассматривалось исключительно в свете его актуализации. Средствами этого стали партийные постановления и высказывания классиков марксизма-ленинизма по разным вопросам истории, а также кодификация сталинистской догматики — «Вопросы ленинизма» и «История ВКП(б). Краткий курс» [Алаторцева, 1991, с. 248–383; Волобуев, Кулешов, 1993, с. 312–333; Маслов, 1993, с. 334–352]. Основой этой новой концепции истории стало возникновение, развитие и укрепление державы русского народа. Как образно подметила С.С. Неретина, совершилась подмена Бога мировой революции Богом русской истории [Неретина, 1990, с. 33]. Недаром среди главных обвинений в адрес Покровского были «антимарксистские извращения и вульгаризаторство» концепции русской истории, «клевета» на лучших представителей русского народа, «издевательство» над русским патриотизмом, и особенно важное — презрение к Родине [Насонов, 1940, с. 59–90; Против исторической концепции..., 1939].

В отношении завоевательной и колонизаторской политики Русского государства вводится концепция «меньшего зла», объясняющая необходимость завоевания тем, что нерусские народы могли попасть под более жестокое колониальное рабство других держав. Впервые она прозвучала 22 августа 1937 г. в постановлении жюри правительственной комиссии на проект учебника по истории СССР, где было сказано, что в конкретно-исторических условиях «переход» отдельных народов под власть России был «все же наименьшим злом» [К изучению истории, 1937, с. 7]. Термин «великодержавный шовинизм» был предан забвению, а в обиход широко вошел другой — «борьба с буржуазным национализмом». При этом в советском научно-историческом «новоязе» появляются понятия-эвфемизмы, призванные скрыть и заретушировать историческую правду. Например, для политики территориальных захватов России был придуман тезис «расширение» и «присоединение», а для колонизации завоеванных земель — «мирное освоение». Оба этих понятия дополняли и изящно прикрывали захватническую суть концепции «меньшего зла».

В свете этой концепции стали появляться работы, переосмысливающие политику Москвы в отношении Казанского ханства. В 1939 г. И.И. Смирнов (1909–1965) в

докладе «Восточная политика Ивана IV» прямо указывал, что «актуальность восточного направления во внешней политике Московского государства определяется фактом наличия системы татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и стремившихся к гегемонии в Восточной Европе... Разгром Казанского и Астраханского ханств Московским государством является относительно прогрессивным в двояком отношении: а) он укреплял политическую независимость русского национального государства, устранял угрозу воссоздания турецко-татарской гегемонии на Востоке Европы... б) включение народов Поволжья в состав Московского многонационального государства – меньшее зло, чем существование их в Казанском ханстве, с точки зрения исторических перспектив» [Смирнов, 1939, с. 92–93].

В период Второй мировой войны был сделан еще более серьезный крен в сторону державного патриотизма и русского шовинизма, а апелляция к «героическому прошлому нашей Родины» стала стержнем идеологической работы ВКП(б) и всего государства. В этой риторике борьба за независимость Руси диалектически сливалась с расширением Российского царства (а позднее – империи), что признавалось прогрессивной тенденцией, а все ее противники объявлялись реакционными силами, тормозящими ее поступательное развитие. Золотая Орда и татарские ханства в этом контексте оказались в числе «агрессивных» и «реакционных» стран, врагов русского народа.

Следующими шагами в этом направлении и идеологическим их закреплением стали постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и Татарского обкома ВКП(б) от 6 октября того же года «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», где четко указывалось на «ошибки института, выразившиеся в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодального эпоса об Идеее, а также в односторонней оценке присоединения Казани к Москве как захвата, являются националистическими ошибками и направлены против укрепления дружбы между русским и татарским народами» [Измайлов, 1996, с. 102]. В свете этих постулатов Золотая Орда, как все другие татарские ханства, включая Казанское ханство, в советской историографии стали рассматриваться исключительно как отрицательное историческое явление. В программном труде о Золотой Орде, призванном установить новый канон ее изучения, это государство названо «паразитическим» и «хищническим», которое могло существовать «только путем насилия, путем ограбления покоренных народов», замедляя «прогрессивное развитие русского народа», «его трудолюбивого и свободолюбивого земледельческого населения» [Греков, Якубовский, 1950, с. 13]. Поэтому и с Золотой Ордой, и ее наследниками необходимо было бороться: «с Казанским ханством дружить было трудно, оно стояло у самых границ Руси, с ним нужно было вести борьбу» [Греков, Якубовский, с. 417].

Другим шагом в реанимации прежней государственной школы и утверждения его в качестве приоритетного в идеологической теории и агитационно-пропагандистской практике стали знаменитые совещания историков, проходившие в мае – июне 1944 г. в ЦК ВКП(б) под руководством секретарей ЦК А.С. Щербакова, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова [Новые документы..., 1991, с. 188–205]. Совещания были вызваны письмами А.М. Панкратовой (1897–1957) об идеологических ошибках в трудах академика Е.В. Тарле (1874–1955) [Письма Анны Михайловны..., 1988, с. 54–79]. Но в ходе этого совещания, однако, партийные органы встали на сторону Е.В. Тарле, обвинив саму Панкратову в вульгарном понимании марксизма, утвердив тем самым прямую связь между становлением имперской России и концептом советского патриотизма.

Историки сразу откликнулись на новые тенденции в политике, создавая статьи, где придавали партийным догмам наукообразный вид. Характерна в этом отношении статья С.В. Бахрушина «Взятие Казани» [Бахрушин, 1949, с. 52–76], которая, очевидно, являлась частью готовившейся к печати «Истории ТАССР», но по ряду причин не вошла в состав учебника. В ней автор писал, что «к войне с Казанью толкали Москву не только узкие классовые интересы дворянства... Казанское ханство служило постоянной помехой для хозяйственного развития русских земель. Из года в год казанские татары производили опустошительные набеги на пограничные русские земли, углубляясь иной раз далеко в страну вплоть до Костромы и Устюга. Помимо опустошений, которыми сопровождались эти набеги, татары угоняли в плен громадное количество жителей». Одновременно «к ликвидации Казанского ханства побуждали и торговые интересы, поскольку Казань держала в своих руках волжский путь... наконец, постоянная угроза с востока мешала Москве сосредоточить все силы на борьбе с феодальной раздробленностью и на приобретении выхода к Балтийскому морю и требовала больших затрат сил и средств на оборону... уже в начале XVI века было ясно, что подчинение Казани Москве – вопрос времени» [Бахрушин, 1949, с. 53–54]. Автор предельно четко артикулирует концепцию завоевания, фактически прибегая к риторике, характерной для историков «государственной школы», подчеркивая главное – Казань должна была быть завоевана, поскольку так хотелось Русскому государству, – но прикрывая колониальную суть этого события ссылкой на его прогрессивный и объективный характер.

Иными словами, к 1950-м гг. советская историография вплотную подошла к моменту, когда была готова отказаться от теории «меньшего зла». В этом контексте завоевание Казани Иваном Грозным продолжало трактоваться как «расширение» Руси-России и называлось «одним из важнейших средств укрепления и дальнейшего развития русского национального государства», «начальным этапом становления многонационального централизованного российского государства» [Максимов, 1952, с. 60–70]. Очевидно, упор в продвижении этой концепции завоевания как «дружбы народов» был сделан на местах, а центральная власть и академическая наука были призваны дирижировать этими процессами.

Реализовалась эта тенденция в трудах самарского историка К.Я. Наякшина (1900–1982), который выдвинул тезис о татарском завоевании края и порабощении местных народов, боровшихся с иноземными «поработителями», а также возросшую к середине XVI в. угрозу турецкого порабощения Поволжья. Он прямо писал, что «Основные массы населения Казанского ханства с ненавистью относились к своим золотоордынским поработителям. Перед населением Среднего Поволжья, находившимся под ярмом феодалов – выходцев из Золотой Орды – стояла прямая угроза оказаться под властью турецкого султана». Русское завоевание Поволжья рассматривалось К.Я. Наякшиным как «спасение» народов края от этой страшной угрозы: Борьба в Поволжье была прежде всего борьбой против султанской Турции и ее крымско-казанских и астраханских холопов»; «игнорировать турецкую опасность непозволительно»; «Ясно, что присоединение народов Поволжья к России было, по существу, единственным выходом, единственным средством спасения для них»; далее он определяет освободительную войну 1552–1556 гг. не как борьбу Русского государства с «местным населением», а как «освобождение» его от «недобитых остатков казанских феодалов, выходцев из Золотой Орды, т.е. с осколками этой орды» [Наякшин, 1951, с. 110].

На эти идеологические новации вынуждены были реагировать татарские историки, повторяя директивные идеологические клише. Ведущий казанский историк того времени Х.Г. Гимади (1912–1961) писал о прямой и непосредственной угрозе турецкого завоевания Поволжья, отмечая, что «над народами, подпавшими под турецкое иго, был установлен режим кровавого террора и насилия». Далее он подчеркивал, что «захватническая политика казанских ханов была чужда татарскому населению, равно как и порабощенным ханами народам Среднего Поволжья. Эти народы уже давно тяготели к Русскому государству, в котором надеялись найти защиту от нашествий с Востока». Кроме того, само Казанское ханство было отсталым, поскольку «деспотический режим, установленный в Казанском ханстве, длился многие десятилетия и серьезно задержал социально-экономическое и культурное развитие татарского народа. Феодалная раздробленность и междоусобицы, разорительные захватнические войны, паразитический общественный строй, господство реакционной идеологии мусульманского мракобесия – все это тяжело придавило трудовое население Казанского ханства» [Гимади, 1955, с. 4]. Из этого следовал прямой вывод: «В той обстановке присоединение к Русскому государству было для татарского народа единственно правильным историческим путем. Татары и другие народы Среднего Поволжья избежали опасности порабощения варварским турецким феодализмом, который мог задержать на столетия развитие их производительных сил и культуры. Напротив, присоединение Татарии к Русскому государству, стоявшему на более высоком уровне общественного и экономического развития, означало, что наступает конец феодалной раздробленности, бесконечным варварским нашествиям ...от которых в первую очередь страдали подлинные творцы истории – народные массы» [Гимади, 1955, с. 5–6]. Интересно, что как раз «творцы истории» почему-то своего счастья никак не хотели понимать и ожесточенно сопротивлялись «прогрессивным тенденциям» завоевателей.

Фактически в 1960–1980-е гг. в советской историографии возобладали идеи о «прогрессивном» характере русских завоеваний и «добровольном» вхождении в состав России других народов. С некоторыми авторскими вариациями советские историки повторяли те же аргументы Соловьева в редакции Бахрушина с отсылками к теории «прогрессивности» и важного международного значения завоевания Казанского ханства (например, см.: [Бурдей, 1954, с. 27–36; Шмидт, 1964, с. 538–558; Зимин, Хорошкевич, 1982, с. 58–69; Кизилов, 1984, с. 10], подробнее см.: [Хамидуллин, Измайлов, 2012, с. 85–91]).

Оригинальностью мысли в советской историографии отличался довольно узкий круг ученых. В 1970 г. казанский историк С.Х. Алишев (1929–2015) обратил внимание на тенденциозность трактовок завоевания Казанского ханства [Алишев, 1971, с. 76–79]. Он обратил внимание, что объяснение причин и следствий завоевания народов Поволжья вращается вокруг того, что присоединенные народы были отсталыми, а присоединение было прогрессивным. Попытки примирить советский догматизм с фактами, в эту схему не укладывающимися, привели его к формулировке концепции, когда, с одной стороны, война за независимость Казанского ханства была справедливой, а с другой – «в целом и в особенности по конечным результатам» присоединение Поволжья «имело прогрессивное значение» [Алишев, 1971, с. 77; Алишев, 1975, с. 172–185]. Но полностью отказаться от советских идеологем он, разумеется, не смел и мечтать. Позднее он должен был под давлением советских властей отказаться от подобных идеологических «новаций», и в его монографии подчеркивается, что Казанское ханство было развитым феодальным государством, но бурно развивающееся Русское государство было сильнее и стабильнее, что закономерно привело к завоеванию Поволжья и развитию татарского народа в рамках прогрессивного Русского государства [Алишев, 1990, с. 52–54, 78–85].

В период краха тоталитарной системы и идеологии историческая наука стала отбрасывать советские имперские концепции; начали появляться труды, в которых происходила постепенная переоценка причин завоевания [Хорошкевич, 2003, с. 104–113], была проанализирована и отвергнута как ненаучная идеологема «турецкой опасности» как причины захвата Поволжья [Зайцев, 2002, с. 269–313]. Появились новые труды, содержащие более многомерные и сложные оценки событий прошлого (общую оценку историографии см.: [Хамидуллин, Измайлов, 2008, с. 62–73]).

Но вместе с этим в современной России появилась тенденция к возрождению советской традиции о «прогрессивности» для России и для самих татар этого завоевания, дополненной концептом о «вынужденности» завоевания Казанского ханства (например, см.: [Бахтин, 2001, с. 52–72; Присоединение Среднего Поволжья..., 2003; Котляров, 2005]). Иными словами, эти авторы пытаются доказать, что завоевание Казани было вынужденным решением проблемы, когда все остальные способы ее реализации были исчерпаны. Главной в этой концепции является мысль, что завоевание Поволжья и Приуралья диктовалось отнюдь не хозяйственно-экономическими причинами, а носило политический характер с целью снять угрозу постоянной

агрессии со стороны татарских ханств, в первую очередь Казанского ханства, за спиной которых стояла грозная Османская Турция. Данная концепция была подвергнута резкой и детальной критике [Измайлов, 2003, с. 61–135], поскольку все, что в ней есть нового, опровергается фактами, а что традиционного — не отличается от обычных клише имперско-советской историографии.

Таким образом, к началу XXI в. в отечественной историографии сложились, с некоторыми нюансами, две различные концепции. Первая, широко распространенная в державной российской и советской историографии, содержит мнение, что завоевание Казани и Поволжья Русским царством было вызвано необходимостью и имело целью обезопасить свои границы от татарских вторжений, разорявших русские земли, само завоевание было целиком прогрессивным явлением и принесло народам Поволжья процветание, приобщив их к высокой русской культуре. В качестве научной эта концепция сложилась в середине XIX в., хотя ее основные положения возникли еще в XVI в. С 1930-х гг. она стала официальной доктриной советской науки.

Данная концепция не просто опирается на поддержку государства, но и является важнейшей частью державной идеологии. Вторая сложилась в татарской историографии еще во второй половине XIX в. и распространилась в российской либеральной историографии в 1920-е и 1990–2000-е гг. В ней утверждается мысль о захватнической внешней политике Русского царства и колониальном характере порабощения народов Поволжья. Дальнейшее развитие отечественной историографии по этой проблеме видится в способности сформулировать концепцию, в которой будет выработан единый взгляд на общее прошлое нашей Родины.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксанов А.В. Дискуссии в отечественной историографии эпохи становления советской власти и сталинизма о присоединении Казанского ханства к России // *Филология и культура*. 2013. № 1(31). С. 178–181.

Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов // *История и сталинизм*. М.: Политиздат, 1991. С. 248–283.

Алишев С.Х. О некоторых проблемах превращения русского государства в многонациональное // *Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г.* Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 76–79.

Алишев С.Х. Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // *Татария в прошлом и настоящем*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1975. С. 172–185.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI–начало XIX в. М.: Наука, 1990. 265 с.

Артизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // *История СССР*. 1991. № 1. С. 102–119.

- Бахрушин С.В. Взятие Казани // *За родную землю. XIV–XVII века*. М.: Воениздат, 1949. С. 52–76.
- Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // *Вопросы истории*. 2001. № 5. С. 52–72.
- Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI веке // *Преподавание истории в школе*. 1954. № 5. С. 27–36.
- Волобуев О., Кулешов С. История по-сталински // *Суровая драма народа*. М.: Политиздат, 1993. С. 312–333.
- Газиз Г. История татар. Сокр. пер. с татар. яз. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных. М.: Московский лицей, 1994. 190 с.
- Гимади Х.Г. Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству // *Известия КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук*. 1955. Вып. 1. С. 3–13.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
- Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556*. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. С. 269–313.
- Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 184 с.
- Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы (очерк истории становления имперской идеологии) // *Мирас*. 1992. № 10. С. 50–62.
- Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // *Гасырлар авазы / Эхо веков*. 1996. № 3/4. С. 96–114.
- Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // *Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения*. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 61–135.
- К изучению истории. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 38 с.
- Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1984. 160 с.
- Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
- Курбский А. История о великом князе Московском // *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века*. М.: Художественная литература, 1988. 640 с.
- Максимов Л. О журнале «Вопросы истории» // *Большевик*. 1952. № 13. С. 60–70.
- Маслов Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия культа личности Сталина // *Суровая драма народа*. М.: Политиздат, 1993. С. 334–352.
- Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // *Против анти-марксистской концепции М.Н. Покровского*. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 59–90.
- Наякшин К.Я. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // *Вопросы истории*. 1951. № 9. С. 108–111.

- Неретина С.С.* Смена исторических парадигм в СССР (1920–1930 гг.) // *Наука и власть*. М.: Наука, 1990. С. 22–49.
- Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944) // *Вопросы истории*. 1991. № 1. С. 188–205.
- Письма Анны Михайловны Панкратовой // *Вопросы истории*. 1988. № 11. С. 54–79.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
- Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 4-е. М.: Партиздат, 1933. 543 с.
- Покровский М.Н.* Очерк истории русской культуры. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 256 с.
- Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г. М.: Институт российской истории РАН, 2003. 81 с.
- Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1. 1939. 517 с.
- Смирнов И.И.* Восточная политика Ивана IV // *120 лет Ленинградскому гос. ун-ту*. Научная сессия. Тезисы докладов. Л.: Изд. Ленингр. гос. ун-та, 1939. С. 92–93.
- Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III. Т. 5–6. М.: Мысль, 1989. 783 с.
- Хамидуллин Б.Л.* «...Окаянная дочь Златой орды...»: очерки и историографические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства. Казань: ТКИ, 2018. 295 с.
- Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л.* На рубеже веков: современная отечественная историография истории Казанского ханства // *Научный Татарстан*. 2008. № 1. С. 62–73.
- Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л.* Отечественная историография Казанского ханства 1960–80-х годов // *Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья*. 2012. Вып. 1. С. 85–91.
- Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л., Измайлов Б.И.* История Казанского ханства в трудах отечественных историков (1920–1950-е гг.) // *Научный Татарстан*. 2012. № 3. С. 92–113.
- Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. 622 с.
- Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. (1923). Репринт. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.
- Шмидт С.О.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // *Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века*. М.: Наука, 1964. С. 538–558.

REFERENCES

- Aksanov A.V. Diskussii v otechestvennoj istoriografii epohi stanovleniya sovetskoj vlasti i stalinizma o prisoedinenii Kazanskogo hanstva k Rossii [Discussions in a domestic historiography of an era of formation of the Soviet power and Stalinism about accession of the Kazan khanate to Russia], in *Filologiya i kul'tura*. 2013. No. 1(31). Pp. 178–181 (in Russian).
- Alatorceva A.I. Sovetskaya istoricheskaya nauka na perelome 20–30-h godov [The Soviet historical science at the turn of the 1920s and 1930s], in *Istoriya i stalinizm* [History and Stalinism]. Moscow: Politizdat, 1991. Pp. 248–283 (in Russian).
- Alishev S.H. O nekotoryh problemah prevrashcheniya russkogo gosudarstva v mnogonacional'noe [About some problems of transformation of the Russian state in multinational], in *Tezisy dokladov itogovoj nauchnoj sessii za 1970 g.* [Abstracts of the final scientific session for 1970]. Kazan': IYALI KFAN SSSR Publ., 1971. Pp. 76–79 (in Russian).
- Alishev S.H. Prisoedinenie narodov Srednego Povolzh'ya k Russkomu gosudarstvu [Joining of the people of Central Volga area to the Russian state], in *Tatariya v proshlom i nastoyashchem* [Tataria in past and present]. Kazan': IYALI KFAN SSSR Publ., 1975. Pp. 172–185 (in Russian).
- Alishev S.H. *Istoricheskie sud'by narodov Srednego Povolzh'ya. XVI–nachalo XIX v.* [Historical fate of the people of Central Volga area. 16th–the beginning of the 19th century]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 265 p. (in Russian).
- Artizov A.N. Kritika M.N. Pokrovskogo i ego shkoly (k istorii voprosa) [The critic M.N. Pokrovsky and his school (to the background)], in *Istoriya SSSR*. 1991. No. 1. Pp. 102–119 (in Russian).
- Bakhrushin S.V. Vzyatie Kazani [Capture of Kazan], in *Za rodnyuyu zemlyu. XIV–XVII veka* [For native lands of the 16th–17th centuries]. Moscow: Voenizdat, 1949. Pp. 52–76 (in Russian).
- Bakhtin A.G. Prichiny prisoedineniya Povolzh'ya i Priural'ya k Rossii [Reasons of accession of the Volga region and Cisural area to Russia], in *Voprosy istorii*. 2001. No. 5. Pp. 52–72 (in Russian).
- Burdej G.D. Bor'ba Rossii za Srednee i Nizhnee Povolzh'e v XVI veke [Fight of Russia for Central and Lower Volga area in the 16th age], in *Prepodavanie istorii v shkole*. 1954. No. 5. Pp. 27–36 (in Russian).
- Volobuev O., Kuleshov S. Istoriya po-stalinski [History in a Stalin way], in *Surovaya drama naroda* [The harsh drama of the people]. Moscow: Politizdat, 1993. Pp. 312–333 (in Russian).
- Gaziz G. *Istoriya tatar* [History of Tatars]. Abbr. transl. from the Tatar language S.G. i A.H. Gubajdullinyh. Moscow: Moskovskij licej Publ., 1994. 190 p. (in Russian).
- Gimadi H.G. Ob istoricheskom znachenii prisoedineniya Tatarii k Russkomu gosudarstvu [About historical value of accession of Tataria to the Russian state], in *Izvestiya KFAN SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk*. 1955. Iss. 1. Pp. 3–13 (in Russian).

Grekov B.D., Yakubovskij A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [Golden Horde and its falling]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1950. 478 p. (in Russian).

Zajcev I.V. Istoriografiya istorii otnoshenij postordynskih "yurtov" s Rossiej i Osmanskoj imperiej [Historiography of history of the relations of post-Horde "yurt" with Russia and Ottoman Empire], in *Istochnikovvedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy). Ot Kalki do Astrahani. 1223–1556* [Source study of the history of Ulus Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan': "Master Lajn" Publ., 2002. Pp. 269–313 (in Russian).

Zajcev I.V. *Astrahanskoe hanstvo* [Astrakhan khanate]. Moscow: Vost. lit. Publ., 2004. 303 p. (in Russian).

Zimin A.A., Horoshkevich A.L. *Rossiya vremeni Ivana Groznogo* [Russia Ivan the Terrible's time]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 184 p. (in Russian).

Izmailov I.L. "Kazanskoe vzyatie" i imperskie prityazaniya Moskvy (ocherk istorii stanovleniya imperskoj ideologii) ["Kazan capture" and imperial claims of Moscow (essay of history of formation of imperial ideology)], in *Miras*. 1992. No. 10. Pp. 50–62 (in Russian).

Izmailov I.L. "Ne dano marksistskoj ocenki Zolotoj Orde" ["A Marxist assessment is not given to the Golden Horde"], in *Gasyrlar avazy / Ekho vekov*. 1996. No. 3/4. Pp. 96–114 (in Russian).

Izmailov I.L. Zavoevanie Kazanskogo hanstva: prichiny i posledstviya (kriticheskij razbor novyh tendencij sovremennoj rossijskoj istoriografii) [Capturing Kazan khanate: the reasons and consequences (critical analysis of new trends of a modern Russian historiography)], in *Tatarskij narod posle 1552 goda: poteri i priobreteniya* [Tatar people after 1552: losses and gains]. Kazan': Institut istorii AN RT Publ., 2003. Pp. 61–135 (in Russian).

K izucheniyu istorii [To studying history]. Moscow: Partizdat CK VKP(b), 1937. 38 p. (in Russian).

Kizilov Yu.A. *Zemli i narody Rossii v XIII–XV vv.* [Lands and the people of Russia in the 13th–15th centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1984. 160 p. (in Russian).

Kotlyarov D.A. *Moskovskaya Rus' i narody Povolzh'ya v XV–XVI vv.: U istokov nacional'noj politiki Rossii* [The Moscow Russia and the people of the Volga region in the 15th–16th centuries: At sources of national policy of Russia]. Izhevsk: Udmurtskij universitet Publ., 2005. 314 p. (in Russian).

Kurbskij A. Istoriya o velikom knyaze Moskovskom [Story about the grand duke Moscow], in *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Vtoraya polovina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. Second half of the 16th century]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1988. 640 p. (in Russian).

Maksimov L. O zhurnale "Voprosy istorii" [About the "Voprosy istorii" magazine], in *Bol'shevik*. 1952. No. 13. Pp. 60–70 (in Russian).

Maslov N. "Kratkij kurs istorii VKP(b)" – enciklopediya kul'ta lichnosti Stalina ["A short course of history of the Union Communist Party (bolsheviks)" – the encyclopedia of a cult

of personality of Stalin], in *Surovaya drama naroda* [Harsh drama of the people]. Moscow: Politizdat, 1993. Pp. 334–352 (in Russian).

Nasonov A.N. Tatarskoe igo na Rusi v osveshchenii M.N. Pokrovskogo [The Tatar yoke in Russia according to M.N. Pokrovsky], in *Protiv antimarksistskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo* [Against the anti-Marxist concept of M.N. Pokrovsky]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1940. Pp. 59–90 (in Russian).

Nayakshin K.Ya. K voprosu o prisoedinenii Srednego Povolzh'ya k Rossii [To a question of accession of Central Volga area to Russia], in *Voprosy istorii*. 1951. No. 9. Pp. 108–111 (in Russian).

Neretina S.S. Smena istoricheskikh paradigim v SSSR (1920–1930 gg.) [Change of historical paradigms in the USSR (1920s and 1930s)], in *Nauka i vlast'* [Science and Power]. Moscow: Nauka Publ., 1990. Pp. 22–49 (in Russian).

Novye dokumenty o soveshchanii istorikov v CK VKP(b) (1944) [New documents on a meeting of historians in the Central Committee of the Union Communist Party (bolsheviks) (1944)], in *Voprosy istorii*. 1991. No. 1. Pp. 188–205 (in Russian).

Pis'ma Anny Mihajlovny Pankratovoj [Anna Mikhaylovna Pankratova's letters], in *Voprosy istorii*. 1988. No. 11. Pp. 54–79 (in Russian).

Platonov S.F. *Lekcii po russkoj istorii* [Lectures on the Russian history]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1993. 736 p. (in Russian).

Pokrovskij M.N. *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian history in the most concise essay]. Izd. 4-e. Moscow: Partizdat, 1933. 543 p. (in Russian).

Pokrovskij M.N. *Ocherk istorii russkoj kul'tury* [Essey of the history of the Russian culture]. Izd. 5-e. Moscow: Knizhnyj dom "LIBROKOM", 2010. 256 p. (in Russian).

Prisoedinenie Srednego Povolzh'ya k Rossijskomu gosudarstvu. Vzgljad iz XXI veka. "Kruglyj stol" v Institute rossijskoj istorii RAN 14 noyabrya 2002 g. [Accession of the Middle Volga region to the Russian state. View from the 21st century. "Round table" at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences November 14, 2002]. Moscow: IRI RAN Publ., 2003. 81 p. (in Russian).

Protiv istoricheskoi koncepcii M.N. Pokrovskogo [Against the historical concept of M.N. Pokrovsky]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1939. Vol. 1. 1939. 517 p. (in Russian).

Smirnov I.I. Vostochnaya politika Ivana IV [East policy of Ivan IV], in *120 let Leningradskomu gosudarstvennomu universitetu. Nauchnaya sessiya. Tezisy dokladov* [120 years of the Leningrad state. un-tu. Scientific session. Abstracts]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1939. Pp. 92–93 (in Russian).

Solov'ev S.M. *Sochineniya* [Compositions]. Book 3. Vol. 5–6. Moscow: Mysl' Publ., 1989. 783 p. (in Russian).

Hamidullin B.L. "...Okayannaya dshcher' Zlatoj ordy...": ocherki i istoriograficheskie zametki po istorii Zolotoj Ordy i Kazanskogo hanstva ["...Damned dshcher Golden horde ...": essays and historiographic notes on the history of the Golden Horde and the Kazan khanate]. Kazan': TKI Publ., 2018. 295 p. (in Russian).

Hamidullin B.L., Izmailov I.L. Na rubezhe vekov: sovremennaya otechestvennaya istoriografiya istorii Kazanskogo hanstva [At the turn of the century: modern domestic historiography of history of the Kazan khanate], in *Nauchnyj Tatarstan*. 2008. No. 1. Pp. 62–73 (in Russian).

Hamidullin B.L., Izmailov I.L. Otechestvennaya istoriografiya Kazanskogo hanstva 1960–80-h godov [Domestic historiography of the Kazan khanate of the 1960–80s], in *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya*. 2012. Iss. 1. Pp. 85–91 (in Russian).

Hamidullin B.L., Izmailov I.L., Izmailov B.I. Istoriya Kazanskogo hanstva v trudah otechestvennykh istorikov (1920–1950-e gg.) [The history of the Kazan khanate in works of domestic historians (1920s–1950s)], in *Nauchnyj Tatarstan*. 2012. No. 3. Pp. 92–113 (in Russian).

Horoshkevich A.L. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij serediny XVI veka* [Russia in the system of the international relations of the middle of the 16th century]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2003. 622 p. (in Russian).

Hudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva* [Essays on the history of the Kazan khanate]. Reprint. Kazan': Fond TYAK, 1990. 310 p. (in Russian).

Shmidt S.O. Vostochnaya politika Rossii nakanune “Kazanskogo vzyatiya” [East policy of Russia on the eve of “The Kazan capture”], in *Mezhdunarodnye otnosheniya. Politika. Diplomatiya. XVI–XX veka* [International relationships. Politics. Diplomacy. 16th–20th century]. Moscow: Nauka Publ., 1964. Pp. 538–558 (in Russian).

Статья принята к публикации 31.01.2022